

В. А. Денисенко

ВОСПИТАНИЕ В СОВЕТСКОМ ПОДРОСТКЕ СВОБОДОМЫСЛЯЩЕГО ЧИТАТЕЛЯ

(на материале анализа повести В. П. Аксенова «Мой дедушка — памятник»)

В статье рассматривается повесть В. П. Аксенова «Мой дедушка — памятник», адресованная подросткам и опубликованная в 1970 году в детском журнале «Костер». Не отступая от игровой манеры, в которой писатель работает в то время и над текстами для взрослой аудитории, он включает в произведение аллюзии и намеки «для своих», а также экспериментирует с языком и жанром приключенческой повести, тем самым расшатывая привычный советскому читателю-ребенку нарратив. Можно говорить об авторской установке на расширение читательского кругозора (имеется в виду как освоение адресатом новых повествовательных стратегий, так и его знакомство с малоизвестными — или неизвестными вовсе — реалиями западной культуры).

Ключевые слова: Аксенов, «Мой дедушка — памятник», свободомыслие, детские журналы, «Костер», приключенческий роман, роман-боевик, посвященный читатель.

Для детей в СССР писали много, охотно и самые разные авторы. Власть, воспринимавшая литературу, прежде всего, как средство идеологического воспитания, по понятным причинам всячески поощряла развитие литературы детской. Однако не всегда произведения, адресованные юным читателям, отвечали ожиданиям советских идеологов. Так, с наступлением «оттепели» в печати стали появляться тексты, в которых присущий пионерским романам идейный пафос был вытеснен на второй план, а авторы — настроены на более свободный диалог со своим адресатом¹. То, что подобные произведения, нередко вызывающие сомнения у идеологов партии, продолжали публиковаться (в том числе в период «заморозков» и ужесточения цензуры), объяснялось, в частности, изменением расстановки сил в литературно-издательском деле. На смену старому поколению ревностных партийных редакторов, занимавших сторону цензора, пришло другое — тех, кто был «вместе с [литератором]:

они защищали его, они не давали начальству изуродовать книгу, они спасали» [Стругацкий 2011]. Это происходило не везде, но встречалось все чаще, и детские издания не были исключением.

Среди примеров — редакционный коллектив журнала «Костер». По свидетельству одного из авторов «Костра» Сергея Махотина, журнал «отличался тем, что кое-что себе позволял, несмотря на все непростые времена» [Махотин 2013]. Так, в 1960–1970 гг. в нем печатают обвиненного в туеядстве поэта Иосифа Бродского², а в семидесятые там выходят тексты Юрия Коваля, которого тогда «почти не печатали в Москве» [Махотин 2013]. Тогда же, в 1970 г. на страницах «Костра» (№№7–10) появилась и повесть не совсем «благонадежного» писателя Василия Аксенова — «Мой дедушка — памятник»³.

Аксенов, несмотря на свою довольно энергичную профессионально-писательскую деятельность и признание советских читателей, находился в то время не на лучшем счету у партийных идеологов. Об этом свидетельствуют воспоминания публициста Евгения Сидорова, заведовавшего тогда отделом критики в «Юности»: «Между тем Аксенова постепенно перестали печатать. В столе лежали повести “Стальная птица”, “Золотая наша железка”, рассказы <...> Он был в негласной опале» [Сидоров 2012].

Однако сомнительная репутация не помешала прозаику попробовать себя в качестве детского автора. Публикация Аксенова в «Костре» объяснялась, главным образом, вольнолюбивыми настроениями, царившими в ту пору в журнале, а также вполне понятным стремлением редакционного коллектива сплотить вокруг издания талантливых литераторов. Так, Валерий Воскобойников, работавший там в 1970-е, вспоминал: «Была компания энтузиастов в “Костре”. И вот мы напечатали детские повести Василия Павловича Аксенова» [Валович 2006].

Напомним, что к тому времени Аксенов — уже автор «Затоваренной бочкотарь»⁴, которую критики признали «эталонном зловредного и пагубного модернизма» [Сидоров 2012], и начинает писать «Ожог» — откровенно экспериментальную, переходящую все границы дозволенного прозу⁵. В той же манере «советский писатель со склонностью к инакомыслию» [Кабаков, Попов 2011, с. 38] пробует работать и над повестью для юных читателей «Костра». Результаты этой работы оказываются неоднозначными.

С одной стороны, повесть имела определенный успех⁶. Об этом можно судить по ностальгическим отзывам на книжных порталах — их оставляют ее первые читатели, школьники 1970-х гг. Вот

некоторые из отзывов: «Я читал эту книгу в далеком детстве в начале 1970-х гг. прошлого века <...> “взахлеб”, в нетерпеливом ожидании следующего номера, <...> читалось все запоем»; «Совершенно не могу представить, какое бы впечатление произвела на меня эта книга, познакомься я с ней сейчас, <...> а в детстве это было одно из самых любимейших произведений»; «Трудно сказать, как реагирует на эту повесть мой сын, но я в свое время был приятно удивлен»⁷. Словом, книга смогла полюбить и запомниться.

При этом содержательно она выделялась из общего числа публикуемых в то время произведений для подростков. На это обращают внимание те самые повзрослевшие, прежние ее читатели, о которых мы уже упоминали чуть ранее. Так, один из них вспоминает: «Для меня “Мой дедушка — памятник” долгое время был совершенно нерядовым и неповторимым явлением <...>, легкость и даже легкомысленность повествования, какой-то совсем особенный язык, фантазия, поразительно похожая на реальность, — все это заставляло перечитывать повесть несколько раз в год»⁸. Хотя Аксенову, как любому литератору, взявшемуся писать для детей, необходимо было выполнить некую обязательную программу, научив юных читателей, к примеру, «ценить истинную дружбу» и тому, что «добро всегда побеждает зло»⁹, очевидно, что ограничиваться этим он не стал. Остановимся на этом чуть подробнее, но прежде вспомним содержание повести.

Следуя излюбленной советскими писателями традиции приключенческого романа для подростков, Аксенов отправляет своего героя, пионера-отличника Геннадия Стратофонтова в научную экспедицию к берегам фантастической страны Большие Эмпирей. Стать младшим научным сотрудником экспедиции удивительному во всех отношениях школьнику предлагает сам капитан судна Николай Рикошетников. По прибытии на архипелаг Геннадий становится невольным свидетелем заговора злоумышленников с соседнего острова Карбункл. Из услышанного пионер понимает, что «заговор плетется против эмпирейцев и [советского] научного корабля» [Аксенов 1972]. Но сообщить об этом своим товарищам он не успевает, поскольку схвачен членами мафиозной группировки, которую возглавляет «пиратка и авантюристка» [Аксенов 1972] мадам Накамура-Бранчевска. Однако Геннадию удается обмануть бандитов, убедив их в том, что он англичанин, а также поклонник пиратов, в частности — пирата Рокера Буги, нередко совершавшего набеги на острова Больших Эмпирей. Это очень льстит одному из членов

группировки — потомуку легендарного злодея — Ричарду Буги. В результате, у Геннадия получается проникнуть в суть коварного замысла и помешать его воплощению. Разумеется, зло в «пионерском романе» Аксенова побеждается коллективно, а не только усилиями главного героя. Поэтому в разное время Геннадию помогают девочки Наташа и Доллис, которые — в лучших традициях индийского кино — оказываются сестрами-близнецами, разлученными в детстве, а также члены команды научного корабля, «неповторимая» бабушка героя Мария Спиридоновна и даже дельфин Чаби Чаккерс, дезертировавший из армии США, где служил в звании сержанта.

Один из рецензентов повести писал: «Автор словно собрал в одном месте все, о чем может мечтать мальчишка 12–13 лет, начитавшийся приключенческих романов и желающий совместить их все в одном» [Солоненко 2010, с. 316]. Действительно, история, рассказанная Аксеновым, представляет своего рода попури из всевозможных авантурных сюжетов, что делает чтение интересным и занимательным. При этом трудно не заметить, что привычный для советской литературы приключенческий нарратив у Аксенова насыщен неожиданными поворотами в духе фильмов о Джеймсе Бонде¹⁰. Так, за время своего захватывающего приключения Геннадий успевает попасть в плен, сбежать из плена, побывать в Лондоне, под прикрытием проникнув в центр страшного заговора, и даже поучаствовать в перестрелке. Напомним, что в семидесятые «[советскому] читателю имя Джеймса Бонда [было] знакомо главным образом понаслышке» [Туровская 1977, с. 65]. Романы о Бонде выходили только в «самиздате»¹¹. Кинокартины о нем также были запрещены в СССР, как идеологически чуждые, ведь они «воспевали убийство как вполне респектабельное занятие положительного героя» [Кичин 2012]. Аксенов, бывавший за рубежом (несмотря на «негласную опалу» [Сидоров 2012]), во время одной из своих зарубежных командировок в 1967 г. увидел фильм о культовом герое «Живешь только дважды». После этого у писателя появился замысел «сделать советского Джеймса Бонда, захватить внимание публики» [Подшивалов 1989, с. 11]. Отступив немного в сторону, заметим, что этот замысел был воплощен в 1969 году в романе-боевике «Джин Грин — неприкасаемый», написанном Аксеновым в соавторстве с литераторами Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном. Работа над «беллетристическим капустником» [Сидоров 2012] не могла не повлиять на текст повести «Мой дедушка — памятник», которую Аксенов писал примерно в то же время. В результате,

«пионерский роман» порой напоминает остросюжетный боевик, а его главный герой, способный выпутаться из любой передраги, продемонстрировав спортивный класс, хладнокровие, аналитический ум и невероятную храбрость, — легендарного агента 007 (неслучайно события повести разворачиваются то в Англии, на родине Джеймса Бонда, то в Японии, бывшей местом действия в фильме «Живешь только дважды»).

В те годы романы в жанре триллера и боевика, причисляемые советской идеологией к «бесполезным», «пустым» развлечениям западного «капиталистического» мира, были мало знакомы советскому читателю. Но они не были ему не знакомы вовсе. Как уже отмечалось ранее, произведения Йена Флеминга можно было прочитать в «самиздате». А в 1967 г. советским издательством «Прогресс» была опубликована книга болгарского писателя Андрея Гуляшки «Аввакум Захов против 07». Хотя в предисловии, сопровождавшем текст, отмечалось, что роман А. Гуляшки является «ударом по Джеймсу Бонду» [Собкович 1967], а сам Бонд расписывался как сугубо отрицательный персонаж, сюжет книги, в основе которого лежало увлекательное противостояние двух «суперпрофессионалов», не мог не подогревать интерес как к легендарному герою Йена Флеминга, так и, собственно, к полузапретному нарративу (заметим, что, несмотря на идеологическую выдержанность подобных критических отзывов в адрес зарубежной книжной (или кино-) продукции, советскими читателями тех лет они воспринимались как способ узнать больше о притягательных реалиях западного мира). Сложно судить о том, насколько был широк круг читателей романа Андрея Гуляшки, однако сама публикация «Аввакума Захова против 07» позволяет предположить, что подобные повествовательные эксперименты были небезынтересны советской публике, а потому творческие искания Аксенова, решившего развлечь советских подростков по-голливудски захватывающим сюжетом и превратить приключенческий роман в «пионерскую «бондиану» со всеми признаками жанра»¹², оказались вполне своевременными.

Стоит отметить, что одним из следствий подобного обращения автора с нарративом было то, что последний волей-неволей переставал восприниматься как воспитательный. Это происходило, в том числе еще и потому, что повесть «Мой дедушка — памятник» была «насквозь издевательской и пародийной» [Щеглов 2013, с. 11]. Ее «геройские герои» и «злодейские злодеи» в утрированном, комическом ключе воплощали типичные представления тех лет о том,

что такое хорошо и что такое плохо. Так, отрицательные персонажи слушают джаз и танцуют буги-вуги, пряча оружие в футлярах для музыкальных инструментов. Тогда как положительные герои увлечены тем или иным видом спорта (бабушка Геннадия, несмотря на свой преклонный возраст, «здорово плавает» [Аксенов 1972] стилем баттерфляй, его подруга Наташа — чемпионка в художественной гимнастике, другая подруга Доллис занимается теннисом, капитан научного судна Николай Рикошетников умеет играть в шахматы, а также, как и все члены корабля и дружественный народ эмпирейцы, в футбол). Что же касается главного героя, пионера-отличника Геннадия Стратофонтова, то он демонстрирует «натренированность во всех мыслимых спортивных областях» [Щеглов 2013, с. 51]. Совершенный до крайности, образ Геннадия отчетливо пародиен. С одной стороны, это пародия на персонажей советских «лакировочных» романов, с другой — на героя культуры 1960-х, т.н. «гармоничную личность», о которой критики П. Вайль и А. Генис писали: «Чемпион лучился улыбкой, поправляя очки, невзначай ронял томик Вознесенского, а установив рекорд, спешил на зачет по сопромату» [Вайль, Генис 2004, с. 740]¹³. Предлагая вниманию своего адресата не советский подростковый приключенческий роман, но пародию на него, автор тем самым исключал из своего текста дидактическую составляющую и выстраивал с читателем игровые отношения. Вполне вероятно, что пародийность, очевидная для взрослых, могла остаться недопонятой подростками, но все равно приносила в повесть озорные интонации, позволяющие Аксенову «выйти из литературного официоза» [Сидоров 2012] и «поиграть» с читателем.

Одним из элементов игры были анаграммы. Так, например, основателя сказочной страны Большие Эмпиреи звали Йон. То, что за этим именем скрывалось имя библейского персонажа Ноя, был способен понять только осведомленный читатель¹⁴. Им мог быть ребенок, воспитанный (как и сам Аксенов) в религиозной семье (напомним, что в те годы Библия, хоть и не была запрещена, в открытой продаже в церквях не появлялась, а распространялась преимущественно среди «своих»).

Но анаграммами языковая игра вовсе не ограничивалась. Особую роль у Аксенова играл английский. Получалось, что и в этом случае адресат повести должен был быть в некоторой степени посвященный, а именно — знать или, по крайней мере, хотеть знать иностранный язык. Такой читатель понимал иронию автора, присвоившего

наемному убийце прозвище «Буллит» (в переводе с английского «bullet» — «пуля»), а неприятному во всех отношениях полковнику с вражеского острова Карбункл имя Бастардо Мизераблес (где «bastard» переводится как «ублюдок», а «miserable» — «несчастный»). Разумеется, он понимал и то, что «самый неприветливый остров во всем архипелаге» [Аксенов 1972] Карбункл получил свое название не из-за легенды о том, что один пират «закопал где-то там невероятнейший драгоценный камень»¹⁵ [Аксенов 1972] (заметим, что эту легенду сам автор характеризует, как «дурацкую» и «лживую» [Аксенов 1972]). С английского «carbuncle» переводится так же, как «бородавка». И это название намного больше подходит населенной пиратами и бандитами республике со столицей в городе Стамак («stomach» — по-английски «желудок»).

Обращает на себя внимание, что главный герой повести в совершенстве владеет английским языком и даже прибегает к нему в различных речевых ситуациях (например, общаясь со спасенной им леди Леконсфильд: «What's your name my young hero? — My name is Геннадий Стратофонтов, madam» [Аксенов 1972]¹⁶). Вообще английский язык в большей или меньшей степени знают все героини повести, в том числе и дельфин Чаби Чаккерс¹⁷. Так, на вопрос Геннадия «Вы говорите по-русски и по-английски, Чаби?» он отвечает: «В частях специального назначения еще и не тому научишься» [Аксенов 1970, с. 20]. А разговор с Геннадием Чаби, дезертировавший из армии США в звании сержанта, завершает словами «Make love, not war» [Там же], представляющими собой призыв прекратить войну (что в те годы относилось к войне во Вьетнаме). Отметим, что хотя в то время действия американских войск во Вьетнаме осуждались в советской печати (и детские издания не были исключением¹⁸), но позицию дельфина-дезертира, призывающего любить, а не воевать, нельзя было назвать близкой советской идеологии¹⁹. Характерно, что фраза «Make love, not war» исчезает из книжной версии повести. Взамен автор позволяет себе другую вольность: в книге дельфин изъясняется на сленге, употребляя слова иноязычного происхождения («*Годдем!*» (курсив мой. — В. Д.) Это ты Фрэнки Карбо!); «Сейчас немного *зафоргетил*» (курсив мой. — В. Д.) [Аксенов 1972]).

В журнальной версии речь Чаби тоже содержит жаргон, но этот жаргон — блатной. Так, в девятом номере «Костра» за 1970 год читаем: «Условия предлагались хорошие, рыбы навалом, ешь не хочу, полсотни долларов в неделю жалованье. Научился по-человеческому *балакать*» (курсив мой. — В. Д.) [Аксенов 1970, с. 20]. Тот же самый

кусок, но уже отредактированный Аксеновым для книги, выпущенной издательством «Детская литература» в 1972 г., выглядит несколько иначе: «Условия хорошие, рыбы — ешь не хочу, полсотни долларов в неделю. Научился по-человечески *спикать*» (курсив мой. — В. Д.) [Аксенов 1972]. Хотя из книжной версии исчезает блатной жаргон, однако за счет сленга, образованного посредством иноязычных слов (к примеру, «зафоргетил» и «спикать»), Аксенову удается сохранить особый, вольный тон речи Чаби. Причем использование сленга в тексте оправдывается тем, что «Чаби слегка путался в языках, из английских слов *speak* (‘говорить’) и *forget* (‘забыть’) он производит глаголы ‘спикать’ и ‘зафоргетить’»²⁰ [Там же].

В повести Аксенова английский язык также становится морфологической основой выдуманного автором языка Больших Эмпирей. Так, например, спрашивая свою бабушку на эмпирейском о том, как она поплавала, Геннадий говорит: «Хава свимма?». На что бабушка отвечает: «Бундербул вера оччи!» [Аксенов 1972]. Читателю, знающему английский, слово «хава» не может ни напомнить «how» (как), «свимма» — «swim» (плавать), а «бундербул» — «wonderful» (прекрасно). Характерно, что герои повести, владеющие английским (Геннадий, капитан Николай Рикошетников и бабушка Мария Спиридоновна), легко овладевают и языком дружественной державы. Это может пониматься как метафора языковой свободы, к которой автор и приучает своих читателей.

Заметим, что в то время, хотя английский язык проходили в школах, его «изучение превращалось в своего рода грамматическую задачу, не имеющую практического выхода» [Литовская 2008]. Предполагалось, что «большинству учеников не придется разговаривать на изучаемом языке с его носителями» [Там же]. Это волновало Аксенова. Так, в романе «Ожог», который автор пишет в то же время, что и повесть «Мой дедушка — памятник», читаем: «Всем юным жителям Одной Шестой география казалась вполне отвлеченной наукой, а в изучении иностранных языков никто не видел никакой серьезной нужды <...>. Что там творится за бронированной гранью, нас не интересует: здесь Мы — люди, русские, советские, там Они — призраки, фантомы, иностранцы» [Аксенов 2011, с. 288]. Поэтому вовсе не случайно, что в книге, адресованной подрастающему поколению, английский становится основой языковой игры (к ней относится не только шуточный выбор имен и названий, но и насыщенная сленгом речь дельфина, и выдуманный автором язык Больших Эмпирей). К тому же, герои повести используют

английский в реальных практических ситуациях (в самолете, в аэропорту, в разговоре с оператором во время международного звонка). Демонстрируя юным читателям возможности, которые открывало владение иностранным языком, а также рисуя притягательные образы заграницы (в повести это была Япония), прозаик стремился расширить их кругозор, изменив долгое время поддерживаемые официальным дискурсом представления о мире вокруг.

Очевидно также и то, что Аксенов, который в те годы находился в «поисках нового языка» [Чернышенко 2007], не стал делать исключения для повести, предназначенной для детской аудитории. В ней он не отступает от стиля письма, характерного для его «взрослых» текстов. Как и в книге «Джин Грин — неприкасаемый», писатель экспериментирует с жанром приключенческого романа, расшатывая привычный советскому читателю нарратив. Кроме того, трудно не заметить, что формально (а в некоторых случаях — и содержательно) его «пионерский роман» во многом перекликается с «Затоваренной бочкотарой» и «Ожогом»: содержащий аллюзии и намеки для «своих» и, кроме того, написанный в пародийном ключе, он выдержан в схожей игровой манере²¹. Пусть в меньшей степени, но повесть «Мой дедушка — памятник», как и эти два произведения, должна была менять навязанные системой представления, стимулируя в читателях (в данном случае — советских подростках) умение мыслить более независимо.

И так как тогда ряды детских писателей постоянно пополнялись за счет свободомыслящих авторов (Ф. Искандера, Б. Окуджавы, Ю. Ковалева и др.), стремящихся воспитать в таком ключе целое поколение новых читателей, то произведение Аксенова, хоть и выделялось из общего числа публикуемых в те годы произведений для подростков, но в целом было, скорей, правилом, чем исключением.

Примечания

¹ Как в повести молодого детского писателя М. С. Бремерера «Пусть не сошлось с ответом», напечатанной в «Юности» в 1956 г.

² В двенадцатом номере за 1966 г. вышло стихотворение И. Бродского «13 очков, или стихи о том, кто открыл Америку», в номере седьмом за 1968 г. был опубликован его перевод стихотворения Марцелиуса Кассиуса Клея «Этот рассказ, ни на что не похожий», а в номере первом за 1972 г. — перевод стихов Оливии Саар («Человек с якорем»).

³ В 1972 г. тиражом в 100 тыс. экз. ее выпустило издательство «Детская литература», при котором, собственно, и существовал журнал [Солоненко 2010, с. 316].

⁴ Год публикации «Затоваренной бочкотары» — 1968.

⁵ Прозаик начал писать роман «Ожог» в 1969 г.

⁶ Повесть Аксенова нельзя назвать культовой. Ее не увидишь в списках произведений, составивших круг популярного детского чтения в 1970-е годы (попытку создать подобный список предприняли посетители сайта <http://bosonogoe.ru/>). Тираж в 100 тыс. экз, которым был выпущен «Мой дедушка — памятник» в 1972 г., по тем временам являлся вполне рядовым для такого крупного издательства, как «Детская литература». К тому же, книга ни разу не переиздавалась в советское время (правда, это может быть обусловлено не столько отсутствием интереса к повести и спроса на нее, сколько особым отношением к ее автору и его последующей эмиграцией в США). Однако важно отметить, что на разных книжных порталах нередко можно увидеть очень теплые отзывы об этой аксеновской вещи, а значит, повесть не была встречена равнодушно и имела своих читателей.

⁷ Первый отзыв взят на сайте <http://coollib.com/b/198660/>; другие два — на портале <http://fantlab.ru/work187784> (дата обращения: 11.07.2014).

⁸ Отзыв взят с портала <http://fantlab.ru/work187784> (дата обращения: 11.07.2014).

⁹ Судя по размещенному на сайте новой редакции журнала «Костер» отзыву, который оставила одна из маленьких читательниц повести, обязательная программа была также проделана Аксеновым (URL: <http://www.kostyor.ru/archives/8-12/paper.php> (дата обращения: 11.07.2014)).

¹⁰ Можно говорить также о традиции «красного Пинкертонa» (популярной в 1920-е гг. приключенческой литературы, в которой пропагандировались революционно-коммунистические идеи). Подобные тексты были написаны так, что увлекали читателей, а потому могли иметься Аксеновым в виду при создании захватывающего сюжета повести «Мой дедушка — памятник».

¹¹ «Помню, как читала книги «бондианы» в глухие застоные времена, даже не книги, а самиздатовские книжечки на серой бумаге и с отвратительным шрифтом. Никак не могла понять, что в них такого, из-за чего их запрещают», — пишет участница форума, посвященного писателю Йену Флемингу (URL: <http://kamsha.ru/forum/index.php?PHPSESSID=sbonejgm70c7qh5u9049i8iik1&topic=6744.0> (дата обращения: 11.07.2014)).

¹² Цитируется по отзыву одного из читателей повести, опубликованного на сайте <http://www.labyrinth.ru/reviews/show/71411/> (дата обращения: 11.07.2014).

¹³ Исследователь Ю. Щеглов относит Стратофонта «к семейству “суперменов” и “сильных личностей”» [Щеглов 2013, с. 40], к которому также принадлежат Глеб Шустиков из «Затоваренной бочкотары» и Олег из рассказа «Пора, мой друг, пора». Стоит отметить, что одновременно с написанием повести «Мой дедушка — памятник» Аксенов работал над романом «Ожог», главный герой которого — в одном из своих воплощений гениальный хирург Геннадий Аполлинарьевич Малькольмов — описан автором как «аттрактивный сорокалетний мужчина-хирург-супермен, загорелая бестия, овеянный легендами на весь институт почти-профессор» [Аксенов 2011, с. 63]. Имя персонажа, равно как и его характеристика, свидетельствуют о том, что в творческом сознании Аксенова образы удивительного школьника, способного стать кем угодно в силу своих дарований, и сюрреалистического Аполлинарьевича, «кем угодно», собственно, ставшего, очевидно, были связаны между собой. В «Ожог» многогранная (и это дано Аксеновым буквально) личность героя предоставляет автору неограниченные повествовательные возможности. То же, пусть и в меньшей степени, видим в повести «Мой дедушка — памятник»: разносторонность Геннадия позволяет Аксенову развивать сюжет в каком угодно направлении.

¹⁴ Более очевидно, что Йон — это Ной, становится после выхода книги в 1972 г. В отличие от журнальной, книжная версия содержит более подробное описание прибытия Йона на остров: «Преодолев на своем утлом катамаране необъятное

водное пространство, [он] увидел за гребнями волн симпатичный архипелаг. Архипелаг этот показался Йону похожим на перевернутую вниз головой запятую. <...> Преодолев линию прибоя, Йон приступил к выгрузке жалкого скарба и целой группы диких и домашних животных. Активно помогали ему в этом деле его сыновья Мис, Мах и Тефя» [Аксенов 1972]. Впрочем, и здесь непосвященный читатель рисковал оставить анаграмму неразгаданной. И все-таки шансов было больше. На то, что имена следовало читать задом наперед, указывало, хоть и характерное для школьного дискурса, однако привлекающее внимание, сравнение архипелага с перевернутой запятой.

¹⁵ Напомним, что один из вариантов перевода слова «scarbuncle» — «драгоценный камень».

¹⁶ От внимания читателей не может ускользнуть то, что не всегда английская речь включается в текст с сохранением исконной графики (время от времени автор прибегает к приему транслитерации). Английская графика используется тогда, когда говорит носитель языка или Геннадий, чье произношение автор характеризует, как «идеальное». В приведенном нами диалоге имя героя написано по-русски. Скорей всего, это свидетельствует о том, что Геннадий произносит свое имя, сохраняя его русское звучание.

¹⁷ Взрослым читателям повести, современникам Аксенова, имя дельфина не могло не напомнить имя певца Чабби Чеккера, легендарного исполнителя песни «The Twist», благодаря которой твист долгое время находился на пике популярности.

¹⁸ См., например, журнал «Пионер» (1970. №1), рубрику «Радиостанция “Здравствуй”», в которой опубликованы письма советских подростков их вьетнамским друзьям.

¹⁹ Но очевидно, что эта позиция была близка самому Аксенову. Не случайно в романе «Ожог, который, как мы уже упоминали ранее, писался Аксеновым одновременно с повестью для подростков «Мой дедушка — памятник», появляется герой Патрик Тандердджет, «дезертир из армии Соединенных Штатов» [Аксенов 2011, с. 220], в котором другой герой генерал-майор Чувиков видит «явно нерусского хиппи» [Там же, с. 217]. Тандердджет является близким другом главного героя «Ожога» (бывшего прототипом самого Аксенова), «осуждавшего не только вторжение в Чехословакию, но и бомбежки во Вьетнаме» [Там же, с. 304].

²⁰ Подобным объяснением писатель не только оправдывал в тексте появление иноязычных слов, но и задавал определенную словообразовательную модель, тем самым способствуя расширению словарного запаса юных читателей повести.

²¹ Кроме того, «Мой дедушка — памятник» населен персонажами, знакомыми по этим двум произведениям В. Аксенова. Так, сам Геннадий, как уже отмечалось ранее, относится «к семейству “суперменов” и “сильных личностей”» [Щеглов 2013, с. 40], к которому также принадлежат Глеб Шустиков из «Затоваренной бочкотарь» и главный герой «Ожога». Дельфин напоминает Патрика Тандердджета («Ожог»), а консул Больших Эмпирей Старжен Фиц — специалиста по Халигалии Дрожжинина («Затоваренная бочкотара»). Также среди членов команды научного корабля «Алеша Попович» оказывается герой «Затоваренной бочкотарь» Володя Телескопов.

Источники

Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник // Костер. 1970. №7. С. 38–50; №8. С. 22–36; №9. С. 16–31; №10. С. 44–56.

Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.misto.kiev.ua/AKSENOW/monument.txt> (дата обращения: 27.07.2014).

Аксенов В. П. Ожог. М.: Эксмо, 2011.

Аксенов В. П. Затоваренная бочкотара [Электронный ресурс]. URL: <http://aquarium.lipetsk.ru/MESTA/chtivo/aksonov.htm> (дата обращения: 27.07.2014).

Гуляшки А. Аввакум Захов против 07 [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/gulyashki_andrey/avvakum_zahov_protiv_07.html#0 (дата обращения: 27.07.2014).

Исследования

Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790–1990: опыт комментированной антологии. СПб.: ООО «Полиграф», 2011.

Вайль П., Генис А. Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Валович Т. Какой должна быть современная детская периодика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/367181.html> (дата обращения: 19.05.2014).

Кабаков А., Попов Е. Аксенов. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Кичин В. Полвека назад он впервые сказал: меня зовут Бонд. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/25/bond-site.html> (дата обращения: 19.05.2014).

Литовская М. А. Конструирование чужого, или учимся говорить по-английски. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/li8.html> (дата обращения: 19.05.2014).

Махотин С. Ребенок, который жил во мне, дождался своего часа. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/10/10m.html (дата обращения: 19.05.2014).

Подшивалов И. Интервью с В. П. Аксеновым. Аксенов's DISTANCE // Моск. комсомолец. 1989. 10 дек. С. 11.

Разова В. Д. Советская детская литература: учеб. пособие для библиотечных факультетов институтов культуры и пед. вузов. М.: «Просвещение», 1978.

Солоненко В. К. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове. М.: Три квадрата, 2010.

Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html> (дата обращения: 19.05.2014).

Собкович А. Аввакум Захов против 07. Коротко о книге [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/gulyashki_andrey/avvakum_zahov_protiv_07.html#0 (дата обращения: 27.07.2014).

Стругацкий Б. Интервью [Электронный ресурс] // Дилетант. 2012. №12. URL: <http://www.diletant.ru> (дата обращения 27.07.2014).

Туровская М. Герои «безгеройного времени». М.: Искусство, 1971.

Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: история, теория и практика. СПб.: Европейский дом, 2008.

Чернышенко О. В. Романы В. П. Аксенова: жанровое своеобразие, проблема героя и особенности авторской философии: автореф. дис.... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.referun.com/n/romany-v-p-aksenova-zhanrovoe-svoeobrazie-problema-geroia-i-osobennosti-avtorskoj-filosofii> (дата обращения: 27.07.2014).

Чудакова М. О. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001.

Щеглов Ю. К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова: комментарий. М.: Новое литературное обозрение, 2013.